

УДК 82.0 (470)
ББК 83.3 (2=Рус) 5
Ш 65
Н.М. Шишхова

Переоценка ценностей (Л.Н. Толстой и научные идеи его времени)

(Рецензирована)

Аннотация:

В совместном анализе науки и искусства важно учитывать их значение в жизни общества, тот факт, что в разные периоды истории литературы то искусство, то наука выступали в качестве лидеров. Так, в русской общественной мысли XIX века главенствующее место занимала литература. Она ставила и пыталась решить все наиболее значимые социальные проблемы, о чем ярко свидетельствует творчество Л.Н. Толстого. Целью нашего исследования и было показать влияние научных открытий на формирование мировоззрения писателя.

Ключевые слова:

Мировоззрение, влияние, естественно-научная мысль, соотношение, специфика, связь, общенаучные понятия, воздействие, концепция.

А. Герцен еще в 40-е годы XIX века в «Письмах об изучении природы» писал о необходимости обобщать и популяризировать достижения естествознания и видел в этом одну из главных потребностей времени. Т.Н. Грановский в речи «О современном состоянии и знании всеобщей истории» говорил о том, что история должна выйти на обширное поприще естественных наук, а великий русский физиолог И.М. Сеченов с интересом посещал лекции по истории в ущерб своим медицинским занятиям.

Прошло всего какое-нибудь десятилетие, и вопросы естествознания оказались в центре водоворота философских и литературных споров. В начале второй половины XIX столетия работы естествоиспытателей, особенно исследование Сеченовым организма и его нервно-психических функций, вызывали целый поток статей в русской периодической печати. Уже в 1983 году русский естествоиспытатель опубликовал свой знаменитый трактат «Рефлексы головного мозга».

В 1866 году вышла не менее шумевшая работа «Физиология нервной системы». С этого периода труды по нейрохирургии вторглись в мир человеческой психики.

Лидер русской нейрофизиологии И.П. Павлов заговорил о неразрывных связях общебио-

логических концепций с человеческими, о слиянии субъективного и объективного. Позже А.А. Ухтомский будет утверждать: «Дело души – выработка мирозерцания – может обойтись без знания тела... Физиологию следует положить в руководящее основание при изучении законов (в обширном смысле)» [1, 27]. Очевидно, что Ухтомский сопоставляет в этом высказывании проблемы науки и нравственности, ставит вопрос об их соотношении.

Впрочем, эту проблему поднимал уже и И.М. Сеченов. В своеобразном эпилоге к своим «Рефлексам головного мозга», в строчках, которые не довелось прочитать современникам ученого (они были выброшены цензурой), он писал: «... Считаю своим долгом успокоить нравственное чувство моего читателя. Развитием перед этим учением несколько не уничтожается значение нравственного и доброго в человеке: основания для нашей любви друг к другу вечны, подобно тому, как человек вечно будет ценить, хорошую машину и предпочитать ее дурной из ряда однородных... Но эта заслуга развитого мною учения еще отрицательная, а вот и положительная – только при развитом мною воззрении на действия человека в последнем возможна высочайшая из добродетелей человеческих – всепрощающая любовь, то

есть полное снисхождение к своему ближнему» [2, 59].

Начиная с 1863 года, русская читающая публика с особым интересом знакомилась с работами Чарльза Дарвина. Уже в 1871 году в переводе с английского под редакцией И.М. Сеченова вышел двухтомник работ великого английского естествоиспытателя, озаглавленный «Происхождение человека и подбор по отношению к полу». В журналах «Вестник Европы», «Русский вестник», «Отечественные записки» регулярно печатались статьи об эволюционной теории Дарвина. Прессу захлестнул поток односторонних и прямолинейных доктрин, с которыми выступали русские дарвинисты, видевшие цель человеческой жизни в процессах биологии и физиологии, а гармонию прогресса – в «естественном подборе» и «борьбе за существование». Но многочисленной армии поклонников работ русских физиологов уже в начале 70-х годов стало противостоять не менее внушительное число противников естественных наук. Эта критика науки представлена различными и очень крупными именами. Многие, из вступивших в дискуссию, стремились повернуть интересы публики к другим областям знания, которые в их представлении могли бы считаться науками о духовной жизни человека. В этом смысле особый интерес представляет творчество Л.Н. Толстого.

Вопросы науки, по свидетельству близких Толстому людей, были постоянной темой в яснополянском доме. Писателя интересовали и теория эволюции Дарвина, и учение Мальгюса, и физиологические теории Мечникова, и химические опыты Менделеева. Интерес к самым разнообразным проблемам науки был свойственен Толстому с самых молодых лет. Вот, например, его дневниковая запись от 19 марта 1847 года: «Во мне начинает проявляться страсть к наукам; хотя из всех страстей человека это есть благороднейшая, но не менее того, я никогда не предамся ей односторонне, т.е. совершенно убив чувство и не занимаясь приложениями, единственно стремясь к образованию ума и пополнению памяти» [3, 7]. В этой дневниковой записи кроется предвестие и будущего интереса к естествознанию, и будущего неприятия науки вообще. Уже в 60-е годы его увлеченность завоеваниями естествознания соседствует с сомнениями и настороженностью.

В конце жизни он писал, что именно дарвинизм еще в 70-е годы натолкнул его на противоположный путь – духовный.

Известно, что в годы работы над романом «Анна Каренина» Толстой проявляет особый интерес к естественнонаучной мысли. И не случайно Левин, естествовик с университетским образованием, в одной из сцен становится свидетелем научного спора между Позднышевым и харьковским профессором, приехавшим к нему в гости. Толстой пишет: «Слушая разговор брата с профессором, он замечал, что они связывали научные вопросы с душевными, несколько раз почти подходили близко к самому главному, как ему казалось, они тотчас же поспешно отдалялись и опять углублялись в область тонких подразделений, оговорок, намеков, ссылок на авторитетов, и он с трудом понимал о чем речь» [4, 27-28].

Вот, где корень открытого выступления Толстого против науки. Для него достаточно смысла в том факте, что его герой, получивший профессиональные знания по естествознанию, не в состоянии вникнуть в спор, который не выходит за пределы его образования.

В черновике романа сказано, что Анна Каренина читала сочинения Токвиля, Карлейля, Тэна. «Она прочитывала эти книги, понимая их вполне, но испытывая то обычно оставленное такими книгами чувство возбуждения и неудовлетворения жажды». [5, 480]. Все это оттого, что для нее, как и для Левина, по-настоящему важными были только душевные вопросы. Она лишь близко подходила к самому главному, но тотчас же поспешно отдалялась. Герой толстовского романа был озабочен именно душевными вопросами и, очевидно, окончательно расстался с надеждами решить эти вопросы посредством науки.

О состоянии Анны Карениной в один из самых решающих моментов ее жизни мы читаем: «Она сидела в гостиной, под лампой, с новой книгой Тэна и читала, прислушиваясь к звукам ветра на дворе и ожидая каждую минуту приезда экипажа» [6, 244]. Экипаж (с Вронским) должен был привезти разрешение мучительной неизвестности и в научную книгу Тэна врываются звуки ветра, звуки приближающегося экипажа – словом, жизнь, перед которой превращаются в ничто открытия Тэна.

Один из слепых поклонников науки в романе – Стива Облонский. Он почитатель Дарвина, и его вполне устраивает то, что им вынесено из знакомства с его теорией. По крайней мере он-то уверен, что нет смысла задавать себе мучительно-болезненные вопросы, и готов принять без возражения ответы, предлагаемые наукой. В то время, когда Левин, знакомый со всеми новыми открытиями естествознания, «... никогда не сближал этих научных выводов» о происхождении человека как животного, о рефлексах, о биологии и социологии с теми вопросами о значении жизни и смерти для себя самого, которые в последнее время чаще приходили ему на ум» [7, 487].

Видно, что Толстой исключает взаимодействие биологического и социального в жизни. Между тем, уже в 70-е годы в работах естествовников все острее ставились вопросы этого взаимодействия. В работах 70-х годов Сеченов, например, доказывал, что нравственная активность человека может быть объяснена в научных категориях.

Толстой не мог не знать о попытках русских естествоиспытателей оградить науку от огульных обвинений в обезличивании человека, игнорировании вопросов нравственности и морали. Но уже в 80-е годы только что завершивший «Анну Каренину» писатель выступает как противник науки, сочетавший серьезную ее критику с открытыми насмешками. В этом отношении показательны работы, написанные в 80–90-е годы: «Исповедь», «В чем моя вера», «Так что же нам делать?», «Царство божие внутри нас», «О науке». В статье «Что такое искусство?» он пишет следующее: «Ведь только людям, посвятившим на это изучение свою жизнь, кажется, что все те открытия, которые делаются в области естественных наук, суть дела очень важные и полезные. Но это кажется этим людям только потому, что они не глядят вокруг себя и не видят того, что действительно важно» [8, 188].

До конца жизни Толстой проявлял активный интерес к научным открытиям и учениям, читал все более или менее значительное об успехах науки, присутствовал на различных съездах научного характера. Так, например, в самом начале 1894 года в Москве проходил съезд русских естествоиспытателей. Один из старых друзей Толстого, ботаник А. Цингер, вспоми-

нает, что писатель очень интересовался делами съезда и даже присутствовал на общем собрании. На одном из заседаний съезда большой успех имела речь молодого русского физиолога В.Я. Данилевского «Чувство и жизнь». Прочитав эту речь в отчетах съезда, Толстой возмущался: «Какая типичная узость и самоуверенность ученого. Рассмотрел в микроскоп какие-то там клеточки и ядрышки, и для него уже ничего нет непонятного, для него все ясно, нет никаких сомнений...» [9, 123]. Толстой открыто негодовал против стремления уяснить средствами науки жизненный смысл человеческого существования. Он не смог смириться с тем, что человеческие несчастья, муки множества людей могут иметь психофизиологические обоснования.

На глазах у писателя естествознание накапливало информацию о человеческом организме, на его памяти русский физиолог Павлов взял на себя гигантскую задачу: изучить поведение человеческого организма в целом. Но для Толстого, с пытливым интересом следившего за движением научной мысли, было очевидно только одно: накопление знаний еще не сделало ни одного человека счастливым, наука не дала ни одного ответа на бесконечные вопросы жизни. В статье «Прогресс и определение образования» он прямо говорит о социальной трагедии знания, не способного найти контакт с жизнью.

В дневниках писателя есть множество свидетельств пристального интереса к работам по физиологии и биологии. В марте 1903 года он записывает: «Читал статью Мечникова опять о том же: что если вырезать прямую кишку, то люди не будут более думать о смысле жизни, будут так же глупы, как сам Мечников. Нет, без шуток. Мысль его о том, что наука улучшит организм человека, освободит его от страданий, и тогда можно будет найти смысл – назначение жизни. Наука откроет его» [10, 157].

Речь идет о широко известной теории Мечникова объясняющей причины смерти и старости. По теории русского биолога, возможно оптимистическое понимание жизни и смерти, которое обеспечит полный и счастливый цикл жизни, заканчивающийся спокойной естественной смертью (учение об «ортобиозе»). Не выяснено, по поводу какой статьи Мечникова сделана дневниковая запись Толстого, но за год до

этого в 1902 году, в пятом номере «Русских ведомостей» он прочел корреспонденцию Мечникова, в которой излагались основные положения его «Этюдов о человеческой природе».

В 20-е годы писатель еще не высказывался открыто против обращения к природно-биологическому существованию человека, но исследования жизни и смерти человека в их биологическом значении вызывали острую насмешку писателя. Он, судя по записям в дневниках, был достаточно знаком с научными работами Мечникова и, вероятно, знал, что тот пытается сочетать естественно-научное объяснение жизни и смерти с нравственно-философским. Но Толстой замечал другое: нравственные аспекты здесь на втором плане. Они были на втором плане не только у Мечникова, но и у Менделеева, с которым Толстой много беседовал.

Все, что прочитано писателем в 80-90-е годы у русских естественников, вызывает его гнев: «Прочел у Менделеева, что назначение, идеал человека – размножение. Ужасно нелепо. Вот глупость (не свойство, а поступок слова) – последствия самоуверенности. Животные поедают друг друга и потому им надо размножаться, и размножение может быть идеалом кроликов. Поедание и размножение взаимно ограничиваются. У людей же, освободившихся от поедания другими животными, размножение ничем не может быть ограничено, кроме сознания добра, совершенствование. Совершенствование включает целомудрие. Оно-то и ограничивает. Как ужасно, как безнравственно и просто глупо менделеевское размножение» [11, 237].

Всякие же проблемы биологического продолжения жизни, проблемы биологической старости для Толстого – игра праздного ума. Научный интерес к смерти и бессмертию, к смыслу жизни приобретал в глазах писателя все большую опасность. Лавинообразно хлынувший поток естественнонаучной информации был направлен против религиозно-нравственного трактования человеческой природы. Мечников, например, в «Этюдах о природе человека» излагает воззрения величайших умов, в том числе и Льва Толстого, и противопоставляет им свои идеи. В свою очередь, и Толстой отмечает, что наука превращается в своеобразную веру и заменяет, по его мысли, истинную веру,

т.е. религию, и в этом для него одна из основных опасностей научного толкования жизни и человеческой природы: «Легковерная толпа молодежи, подавленная новостью этого, не только не разрушенного, но еще не затронутого критикой авторитета, бросается на изучение этих фактов. Но чем дальше подвигают ученики в том изучении, тем дальше и дальше становится от них не только всевозможность, но даже самая мысль о разрешении вопросов жизни, и тем больше и больше привыкают они не столько наблюдать, сколько верить на слова чужим наблюдениям (верить в клеточки, в протоплазму, в 4-е состояние тел и тому подобное); тем больше и больше теряют они сознание добра и зла, которое выработано всей предшествующей жизнью человечества» [12, 347-348].

Во многом именно неспособность ответить на вопрос о том, в какой взаимосвязи находятся нравственные проблемы с научными, и приводит его к требованию «порвать с наукой». Такая трудность стояла не только перед Толстым, художником и мыслителем, но и перед самими естествоиспытателями. Сказывалась невозможность сочетания общепринятых идеалов (многие наследовались людьми в течение столетий) с научными открытиями, предлагающими и часто навязывающими человеку иные способы самореализации, иные формы социального действия.

Русская общественная мысль всегда связывала будущее, прогресс с идеалом. Идеал был необходим для жизни, и угроза обесценивания идеала заслоняла любое достижение науки вообще и естествознания, в частности. Недаром русские естествоиспытатели настойчиво искали непосредственные связи научных и нравственно-гуманистических представлений о жизни.

Процесс абсолютизации науки становился все более заметен на каждом новом этапе развития естествознания, на что обращал внимание и Лев Николаевич Толстой.

Так, в своих мучительных поисках выхода из жизненного тупика Нехлюдов, герой романа «Воскресение», в один момент начал лихорадочно изучать научную литературу. Именно к ней он обратился за спасением и за ответом на вопрос: «Зачем и по какому праву одни люди заперли, мучают, ссылают, секут и убивают других людей, тогда как они сами ничто, такие

же, как и те, которых они мучают, секут, убивают?» [8, 313].

Ответом ему были рассуждения о научных открытиях и эти ответы в виде вопросов только увеличивали мучения Нехлюдова. Чем больше он читал, тем больше разочаровывался. По-другому не могло и быть, так всегда бывает «с людьми, обращающимися к науке с прямыми, простыми, жизненными вопросами» [9, 313].

Влияние естественнонаучной мысли на мировоззрение Л.Н. Толстого не только раскрывает определенные стороны творческой мысли писателя, но также помогает глубже увидеть общие закономерности в развитии русской общественной мысли второй половины XIX столетия.

Примечания:

1. Меркулов В.Л. А.А. Ухтомский: Очерки жизни и научной деятельности. М., 1960.
2. Научное наследство. Т. 3. М., 1963.
3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. (юбилейное). М.; Л., 1928-1963. Т. 46. в дальнейшем все ссылки из художественных произведений Л.Н. Толстого идут по этому изданию.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 18.
5. Толстой Л.Н. Комментарии к роману «Анна Каренина» // Собр. соч.: В 22 т. Т. 8. М., 1981.
6. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 19.
7. Там же. Полн. собр. соч. Т. 20.
8. Там же. Полн. собр. соч. Т. 30.
9. Цигнер А. Воспоминания О Льве Толстом // Наука и жизнь. 1973. № 11.
10. Толстой Л.Н. Полн. Собр. соч. Т. 54.
11. Там же. Т. 55.
12. Там же. Т. 25.
13. Там же. Т. 32.